

Мейерхольд В. Э.

12/1, 89

Ленинградская правда

Лен. правда 1989, 12 янв.

История без ретуши

ГЛОТОК СВОБОДЫ

Последние свои постановки режиссер В. Э. Мейерхольд осуществил в Ленинграде

«...В последнее время часто встречается на страницах центральных газет и журналов имя В. Мейерхольда. Насколько я знаю, его творчество было связано и с нашим городом. Расскажите, пожалуйста, о том, какое место в его жизни занимал Ленинград...»

Г. КИРСАНОВА
(из письма в редакцию)

ГОД тридцать седьмой смеялся тридцать восьмым, а гот — следующим... Трудная была пора для человека, для революции, для культуры. В Москве в 1938-м ликвидировали главный революционный театр страны — Государственный театр имени Вс. Мейерхольда, для ГосТИМ. Его руководитель очутился на улице.

Благородную руку помощи тогда протянул К. С. Станиславский — пригласил Мейерхольда режиссером в Музыкальный театр своего имени. Незадолго перед тем Станиславского спросили, кого он считает лучшим советским режиссером. Он хмуро отрезал:

— Единственный режиссер, которого я знаю, — это Мейерхольд.

Теперь он подтвердил слова делом.

Но не один Станиславский тревожился о Мейерхольде. Мастера тогда же пригласили в Ленинград.

Многое в жизни режиссера уже было связано с городом на Неве.

Театр В. Ф. Комиссаржевской на Офицерской, потом театры Пушкинский и Кировский. Блоковские постановки в Тенишевском училище на Мозговой и смелые опыты в студии

на Бородинской... Славный революционный спектакль молодой советской сцены — «Мастерия-буфф» Владимира Маяковского к первой Октябрьской годовщине, «коммунистический спектакль», как писал о нем А. В. Луначарский. Послеоктябрьские премьеры в академических театрах, драматическом и оперном, а попутно — руководство Театром Дома рабочих в бывшем Луна-парке на той же Офицерской (ныне улице Декабристов).

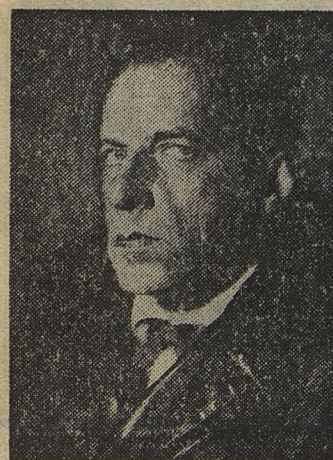
В лектории на Литейном 14 марта 1936 года он выступил с нашумевшим тогда докладом «Мейерхольд против мейерхольдовщины». Да и вообще его дискуссионные вечера в Большом зале Филармонии, в клубе работников искусств, в домах культуры были памятны и привычны. Как и ежегодные приезды из Москвы Театра имени Вс. Мейерхольда. Как и новые постановки на ленинградской сцене. Одной из самых крупных была «Пиковая дама» Чайковского в Малом оперном, предпринятая вместе с дирижером С. Самосудом (1934). Ленинградские связи оставались прочны и разносторонни. Мейерхольд ими дорожил. Здесь, в этом городе, его ценили.

Теперь, когда все было кончено с ГосТИМом, его позвал в Ленинград, в давно знакомый ему Академический театр драмы имени А. С. Пушкина, художественный руководитель театра Л. С. Вивьен. И 29 декабря 1938 года Мейерхольд показал там с выдающимся ус-

пехом свою третью постановочную редакцию лермонтовского «Маскарада». Кое-что в судьбе Арсенина, гордеца и игрока, невольно прозвучало на сцене почти автобиографично для режиссера. Но прежде всего спектакль был глубоко лермонтовским.

Определяя ценность увиденного, критик С. Д. Дрейден писал 3 января в «Ленинградской правде», что нашел там «свидетельство активного стремления советского художника дать достойную реалистическую трактовку классического произведения». Он добавлял: «Проведена большая, серьезная работа по реалистическому осмыслению каждого образа драмы, его социальной биографии. Режиссер стремится донести до зрителя остроту конфликта, возникавшего между Лермонтовым и «светской чернью», горечь презрения Лермонтова к «маскараду» самодержавного строя». Все это было сказано с большим смыслом. В том же январе передовая статья газеты «Советское искусство», обозревая дела и дни театрального Ленинграда, назвала мейерхольдовский «Маскарад» в числе трех лучших спектаклей сезона.

Успех «Маскарада» позволил А. А. Фадееву в мае познакомиться с Мейерхольдом. Он выразил сожаление, что «теперешняя работа Мейерхольда в театрах — а он осуществлял уже не одну постановку (вспомним «Маскарад») — замалчивается критикой. В этом есть что-то глу-

боко неправильное, здесь на версту отдает «побочными соображениями». Мейерхольд — крупный художник, он продолжает работать в советском театре, его работу нельзя замалчивать, надо иметь ясное отношение к тому, что он делает и делает, открыто критиковать неправильное, ложное и подхватывать все передовое, способное обогатить советский театр».

Но не обогатить сколько-нибудь существенно советский театр, ни натворить в нем новых ошибок Мейерхольд уже не успевал.

Остались не завершены многие замыслы последней поры. Вивьену не удалось привлечь Мейерхольда к постоянной работе в Пушкинском театре. На премьере «Маскарада» 18 декабря 1938 года Вивьен заяв-

лял (сообщено В. В. Ивановой):

«Я чувствую себя сегодня очень удовлетворенным, потому что я все носился с идеей возобновления «Маскарада» и до сих пор занят идеей привлечения к работе В. Э. Мейерхольда. Я скажу: у нас уже есть постановление, что он ставит у нас советскую пьесу. Это надо уже считать твердым. Он у нас ставит советский спектакль, это уже ясно, — пьесу Толстого «Путь к победе». Мы верим, что пьеса будет исправлена, как надлежит, и мы хотим верить, что это будет выигранный нами советский спектакль».

Я думаю, — продолжал Вивьен, — чтобы поднять наш театр, надо прежде всего поднять в нем режиссерскую культуру. Трагедия театров Ленинграда заключается именно в отсутствии режиссерской культуры. Плоха режиссерская культура в Ленинграде, поэтому, невзирая на то, что привлечение В. Э. Мейерхольда сюда необходимо, я мы должны ставить вопрос перед ВКИ (т. е. перед Всесоюзным комитетом по делам искусств. — Д. З.) об этом, потому что я сам В. Э. Мейерхольд этого желает, он хочет переселиться в Ленинград, а Ленинграду он очень нужен. В Москву он может съездить, а поставить спектакль, — мы создадим ему такие условия, только будет наоборот: он будет ездить в Москву, а переселится сюда. Это важно действительно с точки зрения большого исто-

рического значения вопроса о поднятии режиссерской культуры в Ленинграде, в частности в Театре имени Пушкина. И тогда, я думаю, что при заинтересованности Мейерхольда в этом театре и при желании с нами работать, — а у меня это ощущение есть, — при нашем абсолютном содружестве в работе, я знаю, что он может это сделать. Я лично в этом уверен на сто процентов и в этом деле прошу вашей поддержки. Художественный совет поддержал своего руководителя».

Можно было спорить об общем уровне режиссерской культуры тогдашнего Ленинграда, где работали и Н. П. Акимов, и В. П. Кожич, и С. Э. Радлов, и Б. М. Сушкевич. Но не в том дело. Речь Вивьена имела конкретную практическую суть. Его видны на Мейерхольда, как все уже знали из газет, поддержал Комитет по делам искусств. Там гонителем ГосТИМа П. Керженцевым уже не пахло. Мавр сделал свое дело, и был смещен. Печать извешала, что новую постановку Мейерхольда в Ленинграде будут оформлять прежние его сотрудники по ГосТИМу — художник Ф. Антонов, композитор В. Шебалин. Правда, стилистическая пьеса «Путь к победе», не удавшаяся Алексею Толстому, едва ли сулила стать путем к победе для режиссера, скорее то был некий вступительный взнос. Но следом маячили замыслы других постановок на ленинградской академической сцене: «Гроза» Остров-

ского, «Борис Годунов» Пушкина, «Гамлет» Шекспира. Проступали контуры трагедийного спектакля большого плана.

В эти контуры отчасти вписывался еще один замысел, не праздный для тогдашнего Мейерхольда и, если вдуматься, тоже автобиографичный. С молодым актером Пушкинского театра Николаем Черкасовым в главной роли он собирался поставить «Кюхлю» Ю. Тынянова.

Театральный старожил Б. Филиппов вспоминал, как Черкасов потом рассказывал ему:

— Вот мечтал же я сыграть Кюхельбекера! Юрий Тынянов даже пьесу для меня написал — «Кюхля». Должен был ставить Всеволод Мейерхольд, а, к сожалению, он не успел осуществить постановку...

В Ленинграде у Мастера было много работы. Стоит добавить, что в июне он готовил вместе с десгафтовцами массовый спортивный праздник на стадионе. Об этом эпизоде должны, полагаю, рассказать сами участники вместе с историками советского спорта. Впрочем, и праздник на стадионе Мейерхольду завершить не пришлось.

20 июня 1939 года его оставили на набережной Карповки, когда он вышел из квартиры знакомых. Он был доставлен в Москву, на Лубянку, где ему предъявили надуманные, чудовищные обвинения. Следствие велось с нарушением элементарных норм законности.

Мейерхольд погиб 2 февраля 1940 — без года полвека назад.

Мемориальная доска с его именем водружена на фасад одного из домов Театральной площади в Ленинграде, где некогда жил.

Д. ЗОЛотНИЦКИЙ